

ДОМ ЯКОБЯНА

АЛЯ АЛЬ-АСУАНИ

В ту ночь в кафе «Groppi» было полно посетителей. Большинство из них - молодые влюбленные, которым было комфортно в приглушенном свете ламп, скрывающем их лица. Они обменивались знаками любви с уверенностью, что им никто не помешает. В заведение вошел человек лет пятидесяти, квадратный и грузный, в широком темном костюме, расстегнутой у ворота белой рубашке без галстука. Одежда настолько свободно сидела на нем, что казалась снятой с чужого плеча. Мужчина сел за столик у входа, заказал чашечку черного кофе и молча принялся оглядывать место, время от времени с беспокойством поглядывая на часы. Приблизительно через полчаса в кафе вошел худосочный смуглый молодой человек в спортивной одежде и направился туда, где сидел «громила». Они горячо обняли друг друга, сели и заговорили вполголоса:

- Слава Аллаху, с тобой все в порядке, Таха... Когда ты вышел?

- Две недели назад. - За тобой точно следят... Ты сделал, как сказал тебе Хасан, когда шел сюда?

Таха кивнул, и шейх Шакир заговорил снова:

- Брату Хасану можно полностью доверять... Связывайся со мной через него, он сообщит тебе место и время встречи. Обычно мы выбираем места, которые не вызывают подозрения... Например, вот это - кафе переполнено, здесь темно, оно подходит... Мы встречаемся и в общественных парках, в ресторанах, иногда в барах... Однако... Смотри не привыкай сидеть в барах...

Окончание. Начало см.: Азия и Африка сегодня, 2010, № 1, 2.

Шейх Шакир рассмеялся, но Таха промолчал. Зависла тяжелая пауза, и шейх продолжал с горечью:

- Государственные службы безопасности развертывают сейчас преступную кампанию против всех исламистов... Аресты, пытки, убийства... Они открывают огонь по нашим безоружным братьям при задержании, а потом обвиняют их в сопротивлении властям... Настоящие боины каждый день, на Страшном суде они ответят за кровь невинных... Я вынужден был оставить свою квартиру и перестать появляться в мечети...

И изменил внешность, как видишь... Кстати, как ты находишь шейха Шакира в европейском варианте?

У шейха вырвался громкий смех, которым он попытался разрядить атмосферу, но тщетно... Тяжелая тень печали нависла над ними, и шейх поддался грусти, вздохнул, попросил прощения у Всевышнего и сказал:

- Крепись, Таха... Я понимаю и чувствую твою боль... Я хочу, чтобы ты перетерпел ради Аллаха Всевышнего все, что сделали с тобой эти неверные. Бог наградит тебя за это самой высокой наградой, с позволения Всевышнего... Я знаю, что рай достается тому, кто принимает муки за Аллаха... Все, что с тобой случилось - лишь малая плата, которую платят по доброй воле усердствующие в джихаде во имя справедливого слова Всевышнего... Наши правители защищают свои интересы и свое нечестно нажитое богатство, а мы защищаем божественную религию... Мы жаждем иного мира, а они хотят земного... Их роскошь ничтожна и отвратительна, мы же дали обет Всевышнему стоять за Него, и Он ни-

когда не нарушит своего обещания...

Таха как будто ждал слов шейха, чтобы выплеснуть свою боль. Он произнес низким голосом:

- Они унизили меня, владыка!.. Унизили так, что я понял: в бродячей собаке больше достоинства, чем во мне... Со мной поступили так, что я и вообразить не мог, будто мусульманин на такое способен.

- Они не мусульмане, они безбожники, так считают все знатоки мусульманского права.

- Даже если и безбожники... Им что, никого не жалко? У них нет детей, дочерей, жен, которых они любят и жалеют?! Да если бы меня арестовали в Израиле, евреи бы со мной такого не сделали... Даже если бы я был шпионом и предателем своей веры и своей страны, со мной не сделали бы такого... Я спрашиваю, какой грех я совершил, чтобы заслужить такое ужасное наказание?.. Неужели соблюдение шариата стало тяжким преступлением?! Иногда в заключении я успокаивал себя мыслью, что все, происходящее со мной, нереально... Кошмарное видение, вот я проснусь и увижу, что все закончилось... Если бы не моя вера в Аллаха Всевышнего, я убил бы себя, лишь бы избавиться от этого страдания.

Боль отразилась на лице шейха, он продолжал молчать, а Таха взял его за руку и сказал:

- Они завязали мне глаза, чтоб я не смог их опознать... Но я поклялся перед Аллахом, я обещал найти их... Я узнаю их и отомщу, один на один.

- Я советую тебе, сынок, оставить в прошлом этот горький опыт... Я знаю, что прошу невозможного, но это единственно верный выход в твоём положении... То, что произошло с тобой в каме-

ре, не только твоя беда... Такова судьба всех, кто громко провозглашает правду в нашей обездоленной стране. И в ответе не только кучка офицеров, но весь преступный безбожный режим, при котором мы живем... Ты должен направить свой гнев целиком против этого режима, а не против нескольких человек... Всевышний сказал в Священном писании: «В Посланнике Аллаха был прекрасный пример для вас». Правдив Великий Аллах! В Мекке Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, потерпел поражение и был унижен. Усилились страдания его, и посетовал он Господу на свою беспомощность и бесчестие, но при этом он не посчитал джихадом личную месть неверным, а направил свои усилия на распространение Слова Божьего, и потом, когда наша божественная религия одержала победу, Пророк простил всех неверных и отпустил на свободу... Этот урок ты должен усвоить и поступать так же.

- Это был Пророк, да благословит его Аллах и приветствует и смилуется над ним, а я не Пророк, я не смогу забыть, что сделали эти негодяи. То, что случилось со мной, каждую минуту преследует меня, я не могу заснуть, я так и не пошел в университет после того, как меня выпустили, и уже не думаю, что пойду... Целый день я сижу в своей комнате, ни с кем не разговаривая, порой мне кажется, я сойду с ума...

- Не сдавайся, Таха. Тысячи молодых ребят-исламистов были арестованы, вытерпели нечеловеческие пытки и вышли на свободу с еще более твердым решением бороться против насилия. Настоящая цель тех, кто служит этому режиму, - не просто причинение физической боли под пытками тем, кто исповедует ислам. Им нужно подорвать вашу психику, чтобы вы утратили способность вести джихад... И если ты поддашься отчаянию, эти безбожники добьются своих целей...

Шейх пристально посмотрел на него и взял за руку.

- Когда ты вернешься в университет? - спросил он.

- Я не вернусь.

- Ты должен... Ты прилежный, успевающий студент, тебя ждет блестящее будущее, с позволения Всевышнего... Положись на Аллаха, забудь, что было, и вернись к занятиям на факультете...

- Не могу... Как теперь смотреть людям в глаза?

Таха вдруг замолчал, его лицо сморщилось, и он простонал:

- Они изнасиловали меня, владыка...

- Замолчи.

- Они изнасиловали меня десять раз, владыка... Десять раз.

- Лучше молчи, Таха, - отрезал шейх, но Таха ударил рукой по столу, чашки закачались и зазвенели. Шейх тут же встал и раздраженно прошептал:

- Держи себя в руках, Таха... Все смотрят на нас... Надо срочно отсюда уходить... Слушай, через час я жду тебя у кинотеатра «Metro»... Будь осторожен, убедись, что за тобой нет слежки...

* * *

В восемь часов утра шейх Шакир и Таха аль-Шазли сели в метро в направлении Хелуана. Все эти дни они много обсуждали случившееся с Тахой. Шейх пытался убедить его все забыть и начать новую жизнь, но Таха продолжал злиться и мрачнеть, пока не стало казаться, что он на грани сумасшествия. Наконец сразу после их отчаянного спора шейх закричал Тахе в лицо:

- Тогда чего ты хочешь? Ты не хочешь учиться, не хочешь работать, не хочешь никого видеть - ни одногруппников, ни родных... Чего ты хочешь, Таха?

- Я хочу отомстить тем, кто схватил меня и унизил.

- Как ты узнаешь их, если не видел их лиц?

- По голосам... Я узнаю их голоса из сотен других... Прошу вас, владыка, назовите мне имя высокопоставленного офицера, руководившего пыткой... Вы сказали, что знаете его. Шейх молчал и думал...

- Прошу вас, владыка... Я не успокоюсь, пока не узнаю его имени.

- Я не могу утверждать наверняка... Но пытки в службе безопасности вообще ведут два человека: полковник Салех Рашуан и генерал

Фатхи аль-Уакиль... Оба они безбожники и преступники, им уготован ад, ужасная участь... А какой толк знать их имена?

- Я отомщу ему...

- Полный бред... Ты хочешь потратить свою жизнь на поиски того, кого ты и в глаза не видел?! Протест безумца, обреченный на провал...

- Я пойду до конца.

- Ты в одиночку будешь бороться с системой, у которой есть армия, полиция и десятки мощных орудий?!

- Как вы можете так говорить! Вы же учили меня, что и один в поле воин... Разве не было сказано: «Сколько малочисленных отрядов победило многочисленные отряды по воле Аллаха!» Правдив Великий Аллах!

- Да, воистину так, но твое сопротивление системе будет стоить тебе жизни... Ты погибнешь, сынок... Они убьют тебя в первой же стычке с ними.

Таха смолк и взглянул шейху в лицо, упоминание о смерти подействовало на него, и он ответил:

- Да я и сейчас как мертвец... В тюрьме они убили меня... Когда они, смеясь, лишают тебя чести... Когда дают тебе новое, женское имя и заставляют отзываться на него, а ты вынужден подчиниться, потому что не можешь выдержать пытки... Они называли меня Фаузия... И каждый день избивали меня, пока я не говорил им: «Я баба, меня зовут Фаузия»... Вы хотите, чтобы я жил, забыв об этом?!

В его словах было горе, он закусил нижнюю губу. Шейх настаивал:

- Послушай, Таха, я скажу в последний раз, чтобы очистить свою совесть перед Господом: ввязаться в войну против этого режима - верная гибель...

- Гибели я уже не боюсь... Я подготовил свою душу к мученической смерти... Я верю всем сердцем, что как шахид* попаду в рай...

Оба замолчали. Вдруг шейх встал со своего места, подошел к Тахе, взгляделся в его лицо, горячо обнял и сказал, улыбаясь:

* Шахид - мученик за мусульманскую веру.

- Благослови тебя Бог, сын мой... Вот что истинная вера делает со своими последователями... Послушай, иди сейчас домой и собери чемодан, как будто ты решил куда-то уехать... Завтра утром мы встретимся, и я отведу тебя.

- Куда?!

Улыбка шейха стала еще шире, и он прошептал:

- Не спрашивай и делай, что говорю, в свое время ты обо всем узнаешь...

* * *

Этот разговор между ними состоялся днем раньше, и Таха понял, что возражения шейха с самого начала были просто маневром, способом проверить серьезность его намерений. Сейчас они сидели рядом в переполненном вагоне метро и молчали. Шейх разглядывал вид в окне, а Таха рассматривал лица пассажиров, но не видел их - в его голове звучал тревожный вопрос: Куда везет его шейх?! Конечно, он доверял ему, но, несмотря на это, его охватило плохое предчувствие и ужас. Он понимал, что попал в опасное положение и сейчас решается вся его жизнь. Таха задрожал, когда шейх прошептал ему:

- Приготовься, мы выходим на «Турра-цемент», на следующей...

* * *

Станция «Турра» дала свое имя цементная компания, основанная швейцарцами в двадцатые годы и национализированная революцией. Она наращивала мощности, пока не стала одной из крупнейших по производству цемента в арабском мире. Потом, как и другие компании, «Турра» пережила перестройку и приватизацию. Большую часть ее акций скупили иностранные фирмы. Линия метро разрезала ее территорию ровно посередине: справа остался комплекс административных зданий и громадные печи, а слева лежала ослепительная пустыня, окруженная горами, тянулись каменоломни, где огромные куски породы подрывали динамитом, а затем в больших вагонах везли к цементным печам на переплавку...

Шейх Шакир, а за ним и Таха

вышли из вагона, перешли на сторону гор и пошли по пустыне. Солнце жгло, а в воздухе висела пыль, которой в этом районе было покрыто все. У Тахи пересохло в горле, а тупая боль в желудке не прекращалась, его стало тошнить, и он закашлялся. Шейх сказал шутливо:

- Терпи, герой... Воздух здесь грязный от цементной пыли... Уже завтра ты к нему привыкнешь... Вообще-то мы почти пришли...

Они встали у небольшой каменной насыпи и несколько минут ждали чего-то. Затем до их слуха донесся грохот двигателя, и появилась машина для перевозки породы, она приближалась и, наконец, остановилась перед ними. Водитель оказался парнем в голубой, сильно поизносившейся и полинявшей спецовке. Они быстро обменялись приветствиями с шейхом, который посмотрел на него изучающе и сказал:

- Аллах и рай...

Парень улыбнулся и произнес:

- Терпение и победа...

Это был пароль. Шейх взял Таху за руку, и они поднялись в водительскую кабину. Пока машина двигалась по горной дороге, все трое хранили молчание. Перед ними проезжали другие фургоны, принадлежащие компании. Наконец шофер повернул на боковую, узкую, непроезжую колею, по которой он вез их более получаса. Таха уже был готов признать шейху в своей тревоге, но увидел, что тот полностью погружен в чтение миниатюрного Корана, уместившегося в ладони. Наконец вдалеке замаячили какие-то очертания, постепенно они прояснились. Это были маленькие домики из красного кирпича. Машина остановилась, Таха с шейхом вышли, и водитель, прежде чем повернуть обратно, попрощался с ними... Панорама напоминала улицы беспорядочно возникших районов - вопиющая бедность, лужи на пыльных дорогах, снующие вокруг домов куры и утки, играющие босые дети, сидящие у дверей закутанные женщины... Шейх шел уверенным шагом человека, знающего это место. Таха вошел за ним в один из домов. Через открытую дверь они прошли

в просторную, абсолютно пустую, если не считать маленького письменного стола и черной доски на стене, комнату. Пол был застлан большой желтой циновкой, на которой сидели молодые бородатые люди в белых галабях. Они дружно встали, чтобы поприветствовать шейха, по очереди обняли его и поцеловали. Последний был самым старшим из них - высокий грузный мужчина лет сорока с длинной черной бородой, поверх галабеи на нем была темно-зеленая накидка. От правого века ко лбу тянулся шрам - вероятно, след от старой глубокой раны - из-за которого его глаз не закрывался до конца. Мужчина обрадовался, увидев шейха, и произнес хриплым голосом:

- Мир вам... Где вы пропадали, владыка?! Мы вас ждали целых две недели.

- Только чрезвычайные обстоятельства могли помешать мне... Как твои дела, как братья?

- Слава Аллаху, все хорошо...

- Как работа?

- Вы же читали в газетах... Удача за удачей, с помощью Аллаха...

Шейх Шакир обнял Таху и сказал мужчине с улыбкой:

- Это Таха аль-Шазли, о котором я вам говорил, Биляль... Образец молодого верующего, набожный и смелый, да не восхваляю имя его прежде имени Аллаха.

Таха шагнул вперед, чтобы пожать мужчине руку, почувствовал его сильное рукопожатие и взгляделся в его изуродованное лицо. Слова шейха звенели в ушах:

- Таха... Если позволит Всевышний, я познакомлю тебя с братом по вере, шейхом Билялем... Эмиром лагеря... Здесь, Таха, с шейхом Билялем, ты научишься с Божьей помощью, как свершить правосудие и отомстить всем обидчикам...

* * *

Сначала Тахе было трудно. Но со временем это прошло, он привык к строгому лагерному порядку: подъем до восхода солнца, молитва, чтение Корана, завтрак, три часа подряд жестких физических тренировок (разминка и боевые искусства)... После братья соби-

рались на занятия - мусульманское право, толкование Корана и хадисов*, которые вел сам шейх Биляль и другие. А после полудня всегда были занятия по стрельбе. Братья садились в большой автобус с надписью «Египетская цементная компания «Турра» и отправлялись в сердце горы, где упражнялись в стрельбе, учились делать и взрывать бомбы. Ритм жизни в лагере был напряженный, без перерывов, у них не было времени для раздумий, даже вечером после молитвы разговор между братьями шел, как правило, на религиозные темы, звучали законные доказательства безбожности существующего режима, необходимости расправиться с ним и свергнуть его. Когда наступал отбой, братья расходились: женатые направлялись в семейные жилища у основания горы, а холостяки спали в отведенном для них небольшом строении. Только после того, как гасили свет, наступала тишина, и Таха аль-Шазили, лежа в темноте на своей постели, со всей ясностью вспоминал события своей жизни. Внезапно в его памяти распаивалось волшебное светлое окошко, и он видел Бусейну ас-Сайед, его сжигала тоска. Иногда он даже улыбался, заново переживая их радостные деньки, но потом приходил в ярость, вспоминая выражение ее лица, когда она сказала в последний раз: «Наша история кончилась, Таха, у каждого своя дорога». И вдруг... как удар молотом по голове, обрушивалось на него воспоминание об аресте: избиения, унижения, ощущение того, что он слаб, измучен, сломлен после каждого изнасилования, его слезы, его мольбы, обращенные к офицерам, чтобы те перестали засовывать в него толстую палку, и его тихий прерывающийся голос, когда они приказывают, а он повторяет: «...Я баба...» Они снова бьют его и спрашивают имя, и он отвечает им мертвенным голосом:

* Хадисы (рассказ, разговор, араб.) - предания о высказываниях и деяниях пророка Мухаммеда, имеющие отношение к религиозным, этическим, моральным и правовым аспектам жизни мусульманской уммы (общины). Мусульмане считают Х. вторым после Корана источником, определяющим правила поведения.

«Фаузия...» И в этот момент раздаются их гогот, как будто они смотрят комедию в кино... Вспоминая все это, Таха терял сон. Он просто лежал и бередил свои раны, лицо его перекашивалось в темноте, а дыхание учащалось, он задыхался, как бегун. В нем копилась жгучая ненависть, и он не мог успокоиться: все восстанавливал в своем сознании голоса офицеров, перебирал их, сравнивал и аккуратно сохранял в памяти. Потом его пронизывало желание отомстить, и все его тело содрогалось от нетерпения. Он представлял себе, как покарает всех тех, кто его мучил, кто к нему прикасался... Эта жажда мести завладела всем его существом и помогла быстро преуспеть в лагерных тренировках. Будучи младше остальных, он превзошел многих в борьбе и за несколько месяцев в совершенстве овладел стрельбой из винтовки, полуавтомата и автомата. С закрытыми глазами он мог собрать ручную гранату. То, как быстро он достиг результатов, поразило всех братьев, и однажды, после того как на стрельбище, поражая цель, он промахнулся лишь один-единственный раз из двадцати, шейх Биляль подошел к нему, похлопал по плечу и похвалил (при этом шрам, рассекающий его бровь, подергивался, как всегда, когда шейх волновался):

- Аллах благословил тебя, Таха... Ты стал мастером по стрельбе...

- Когда вы разрешите мне вести джихад?! - смело спросил Таха. Возможно, решил он, уже пришло время для вопроса, который жил в его душе. Шейх Биляль немного помолчал, потом по-дружески сказал шепотом:

- Не спеши, сынок... Все свое время.

Он быстро ушел, как будто не желая продолжать этот разговор, а Таха остался недоволен его неясным ответом... Он жаждал отомстить за себя и чувствовал, что уже созрел для действий, зачем же откладывать?! Ведь по возрасту он такой же, как те, кто совершает джихад, а затем возвращается в лагерь, гордясь своими подвигами и принимая поздравления от братьев... После этого Таха

не раз ходил к шейху Билялю, чтобы уговорить отправить его на операцию. Но тот все продолжал откладывать дело и давать невнятные ответы, пока в последний раз Таха не рассердился и не закричал:

- Скоро... Скоро... Когда наступит это скоро?! Если вы думаете, что я не гоюсь для джихада, тогда скажите, и я уйду из лагеря.

Шейх расплылся в улыбке, как будто ярость Тахи обрадовала его, и сказал:

- Положись на Бога, Таха, ты услышишь хорошие вести, если будет на то воля Аллаха...

И действительно, не прошло и недели, как братья сообщили, что шейх требует его к себе. Как только он закончил полуденную молитву, поспешил в кабинет к шейху. Это была тесная комната со старым письменным столом, несколькими разваливающимися стульями и циновкой из пальмовых листьев. Шейх сидел на ней и читал Коран. Он был увлечен чтением нараспев и поэтому не сразу почувствовал присутствие Тахи. Он улыбнулся, приветствуя его, и усадил рядом с собой...

- Я послал за тобой по важному делу.

- Я готов подчиниться.

- Подчиняются только Богу... Послушай, господин... Мы решили тебя женить.

Шейх сказал это как-то внезапно и рассмеялся, но Тахе было не до смеха. Он поблдевел и настороженно произнес:

- Не понимаю.

- Женись, сынок... Ты разве не знаешь, что значит жениться?

Голос Тахи звучал громко:

- Нет, владыка, не знаю... Я не понимаю, я просил вас позволить мне вести священную войну, а вы мне говорите о женитьбе... Я что, пришел сюда, чтобы жениться?! Никак не могу понять, вы что, хотите надо мной посмеяться?

Впервые лицо шейха исказилось гневом, и он закричал:

- Ты, Таха, не должен говорить со мной таким тоном. И на будущее прошу тебя быть сдержанным, а то я рассержусь на тебя... Ты хочешь отомстить своим обидчикам, и я говорю тебе: не одного тебя пытали службы безопасности, они за-

мучили тысячи братьев... Видишь, у меня на лице след пытки, но я никогда не теряю самообладания и не кричу каждый день на шейхов... Ты думаешь, что я запрещаю тебе вести священную войну? Аллах свидетель, сын мой, это не в моей воле... Я не принимаю решения об операциях и не знаю о них ничего до последнего момента... Я командующий лагерем, Таха, а не самый главный. Я даже не являюсь членом совета шуры* общины... Я хочу, чтобы ты понял это, успокоился сам и успокоил меня... Я не принимаю решений, все, что я могу, - предложить твою кандидатуру братьям на совете шуры. Я настаивал на твоей кандидатуре и много раз писал им отчеты о твоей смелости, об успехах на тренировках. Но они еще не утвердили тебя. И моей вины тут нет, как видишь... Как подсказывает мне мой опыт, скоро они тебе что-нибудь поручат, если позволит Всевышний.

Таха молчал, повесив голову, потом тихо произнес:

- Простите меня, владыка, за мою несдержанность. Аллах свидетель, как я вас люблю и уважаю, шейх Биляля.

- Ничего, сынок, - пробормотал шейх, перебирая четки. Таха продолжал, извиняясь, чтобы сгладить последствие ссоры:

- Но я, и правда, озадачен этим предложением жениться...

- А что тут странного?! Брак завещан нам, смертным, Аллахом, хвала Ему! Всевышний ввел его ради здоровья человека и всего мусульманского общества... Ты молодой человек, и у тебя есть естественные потребности, а брак - исполнение воли Всевышнего и Пророка его, за которое ты будешь, по воле Аллаха, вознагражден. Пророк, да благословит его Аллах и приветствует, сказал в священном хадисе: «Те, кто способны из вас, женитесь». Он завещал мусульманам легкий и скорый брак как средство от разврата... В этом мире мы живем и умираем так, как ведут нас Аллах и Пророк его, и не отклоняемся от своего пути, слава Аллаху, ни на миллиметр... Я предложил

* Шура - («совет», «консультация» - араб.) - совещательный орган.

достойную, праведную сестру тебе, да не восхваляю имя ее прежде имени Аллаха...

- Жениться на той, которую совсем не знаю? - вырвалось у Тахи. Шейх улыбнулся и сказал:

- Ты ее узнаешь, если позволит Аллах... Это сестра Радва Абу аль-Аля, лучший образец мусульманки. Она была женой брата Хасана Нур ад-Дина из Асьюта, и, когда он пал геройской смертью, да смилуется над ним Аллах, она была беременна его сыном. Она пришла к нам, чтобы жить по исламу.

Таха молчал. Было видно, что он колеблется. И шейх продолжил:

- Не дай Бог, сынок, что-то тебе навязывать... Ты встретишься с Радвой и увидишь ее лицо, поговоришь с ней, как полагается по правому шарияту, а затем абсолютно свободно примешь решение. Прошу тебя, Таха, посмотри книгу о браке в исламе, которую вам дали на занятии. И знай, сынок, что взять в жены вдову шахида и позаботиться о его сироте - значит совершить вдвойне угодное Аллаху дело...

* * *

Таха встретился с Радвой в присутствии сестер. Она открыла лицо, и он долго с ней беседовал. Таха узнал, что она старше его на три года. Его восхитили ее глубокое знание религии и манера вести разговор спокойно и кротко. Она рассказала ему о себе, о своем бывшем муже Хасане Нур ад-Дине и о том, как он погиб...

- В газетах писали, что он стрелял в офицеров и они были вынуждены его убить, - сказала она. - Но Аллах знает, что той ночью ни одна пуля не выстрелила из его оружия... В дверь постучали, и не успел он открыть, как они выпустили несколько автоматных очередей. Он и еще трое братьев сразу отдали Богу душу... Они намеренно их убили, ведь могли, если бы хотели, взять их живыми...

Лицо Тахи погрузнело, и он с обидой добавил:

- У них новые указания: уничтожить как можно больше исламистов... Они называют это политикой «удара в самое сердце»... Если бы эта безбожная система с такой же

жестокостью обращалась с евреями, Иерусалим давно был бы освобожден...

Радва понурилась, нависло тяжелое молчание. Потом она вновь заговорила, как будто ей не терпелось все откровенно рассказать о событиях своей жизни:

- После его мученической смерти моя родня задумала выдать меня замуж. И я узнала, что предполагаемый жених - богатый инженер. Но он не молился. Родня пыталась меня уговорить: якобы после свадьбы он будет все соблюдать, но я отказалась... Объяснила им, что тот, кто перестал молиться, - неверный, согласно шарияту, и не может жениться на мусульманке. Однако они заставляли меня силой, и моя жизнь превратилась в ад. Беда в том, что мои родственники не соблюдают мусульманских обрядов. Они хорошие люди, но, к сожалению, пребывают в невежестве. Сама я побоялась впасть в безбожие. Хотела, чтобы мой сын Абдурахман вырос в Божьем повиновении. Поэтому я вышла на шейха Биляля и попросила его, чтобы он позволил мне жить в лагере...

- А что сделали твои родные?

- Я послала им письмо, чтобы они были спокойны за меня. Навещу их, если позволит Всевышний, при первой же возможности. Я молю Бога, чтобы они простили меня, если я поступила с ними плохо...

Слушая ее, он чувствовал, что она говорит искренне. Его восхитило серьезное и честное выражение ее красивого лица. Она говорила, как провинившийся и честно признавшийся в этом ребенок. Он заметил также, что ее плотное тело пропорционально сложено, что у нее большая налитая грудь (потом он ругал себя за эту мысль и просил у Бога прощения)... Через несколько дней шейх Биляля вызвал его к себе, крепко пожал ему руку, улыбаясь с каким-то намеком, внимательно посмотрел на него и сказал голосом, идущим из глубины, словно возобновляя прерванный разговор:

- Гм... И каково твое мнение?!

- О чем?

Шейх громко хихикнул и сказал:
- Ты не знаешь, о чем речь, шейх Таха?! По поводу Радвы, господин...

Таха молчал и смущенно улыбался, шейх похлопал его по плечу и сказал:

- Благословляю, мой мальчик...

...В четверг, как только закончилась вечерняя молитва, братья окружили Таху с поздравлениями, а из внутренних покоев, отведенных для женщин, раздались праздничные трели. В последние два дня сестры были заняты тем, что готовили и наряжали невесту. Четверть часа длились поздравления и радостные крики, потом шейх Биляль сел, чтобы заключить брак на Коране... Со стороны Радвы в церемонии участвовал брат Абу Хамза (ее родственник и земляк из Асьюта), еще два брата вызвались засвидетельствовать брачный договор. Шейх Биляль начал с традиционного слова о браке по шариату, затем вложил руку Тахи в руку Абу Хамзы и произнес брачную молитву, а они вторили за ним. Когда они закончили, шейх проговорил:

- Благослови Бог ваш брак, и наставь вас на путь истинный, и даруй вам благочестивое потомство. Затем он положил руку Тахе на голову со словами:

- Благослови вас Бог и соедини тебя и твою жену во благе!

Братья дружно бросились обнимать и поздравлять жениха. Еще сильнее раздались радостные крики, и сестры запели, ударяя в бубны:

*Мы пришли к вам, мы
пришли к вам.*

*Встречайте нас, и мир вам.
Ваши места разбогатели -
красного золота крупица.
А ваши девы раздобрили,
причина - черная пшеница.*

Таха впервые видел, как проходит мусульманская свадьба, от веселого пения сестер и воодушевления поздравлявших его братьев он разволновался. После сестры отвели невесту в ее новое жилище: просторную комнату с примыкающей к ней ванной в большом доме, предназначенном для семейных (изначально, когда цементная компания принадлежала швейцарцам, это было общежитие для рабочих каменоломен, затем место было заброшено и совсем забыто, пока его не заняли исламисты, работа-

ющие в компании, и не организовали в нем тайный лагерь общины)... Женщины ушли, и в мечети наступила тишина. Братья сели рядом с женихом и завели веселый разговор, по-доброму посмеиваясь над ним. Потом шейх Биляль встал и сказал:

- Пойдемте, братья...

Таха хотел попросить его остаться еще ненадолго, но тот засмеялся и сказал:

- В брачную ночь ты не должен тратить все свои силы на разговоры.

Он услышал шуточные комментарии братьев, когда те выходили из мечети. Они попрощались с Тахой и удалились. Таха остался один, и ему стало страшно... Он уже представлял себе, и каждый раз по-разному, как и что он сделает в брачную ночь. В конце концов он понадеялся на Бога и решил: пусть все идет так, как Бог положит. Однако его беспокоило, что он никогда не был с женщинами, в то время как у его жены уже был опыт, и он думал, что, вполне возможно, ему будет трудно удовлетворить ее. Шейх Биляль как будто прочел его мысли. За день до свадьбы он отвел его в сторону, рассказал ему о браке и о правах его законной жены и уверил, что нет ничего постыдного для мусульманина в том, чтобы взять в жены женщину, уже бывшую некогда замужем, что прежний брак мусульманки не должен ставиться ей в вину и новый муж не может этим ее попрекать. Он сказал с сарказмом:

- Светские обвиняют нас в формализме и косности, в то время как сами они страдают от неискоренимых противоречий... Если кто-то из них берет в жены женщину, которая уже была замужем, воспоминание о ее первом муже преследует его, и он может начать обращаться с ней плохо, как будто наказывая за ее первый законный брак... Ислам не знает таких психологических комплексов...

Из его слов Таха понял, как относиться к Радве. Шейх рассказал ему в общих чертах о том, что может происходить между мужчиной и женщиной, и разъяснил смысл аята из суры «Корова»: «Ваши жены являются пашней для вас. Приходите же на вашу пашню, когда и

как пожелаете. Готовьте для себя добрые деяния», и объяснил значение слов «но перед этим вы для душ своих какую-либо благодать уготовьте», в которых Господь учит нас относиться к женщинам гуманно и мягко. Шейх был способен говорить о самых интимных подробностях сексуальных отношений серьезно и уважительно, не впадая в бесстыдство. Таха многое вынес из бесед с ним и узнал много нового. Он еще больше полюбил шейха, и сказал себе, что даже если с ним был бы родной отец, он не сделал бы большего, чем сделал для него шейх Биляль... Вот и закончились свадебные церемонии, братья оставляли его одного в решительный момент... Он поднялся по лестнице и постучал в дверь, затем зашел в комнату невесты и увидел ее сидящей на краю кровати, она уже сняла хиджаб с головы. Ее мягкие черные волосы доходили до плеч. Их чернота на фоне белизны и румянца кожи была чарующей. Таха в первый раз обратил внимание на ее изящную шею, маленькие руки, тонкие пальцы. Его сердце затрепетало, он закашлялся и сказал смущенно:

- Мир вам...

Радва улыбнулась, опустила глаза, лицо ее покраснело, и она ответила:

- И вам мир, милость Господа и его благословление...

* * *

В первую ночь их связь проходила стихийно и просто, как будто она уже много лет была ему женой. Цветок в его пальцах раскрылся, и он оросил его столько раз, сколько цветку было нужно, чтобы напиться. Восхищенный, он спрашивал себя, вспоминая подробности свадьбы: как ему удалось так легко все сделать с Радвой, ведь он никогда раньше не притрагивался к женщинам? Куда делись его сомнения, опасения и страх перед неудачей? Может, ему было просто комфортно с Радвой в духовном плане, или он впитал все советы шейха Биляля, или его опытная жена помогла ему и открыла все секреты? Сделала это ловко и изящно, не переходя границ мусульманской стыдливости... Таха думал

обо всем этом, и ему становилось все яснее, что брак с такой женщиной - воспитанной, верной, искренне верующей - был большим благом, дарованным Господом. Он полюбил ее, и их жизнь потекла своим чередом. Он был доволен своим образом жизни: утром оставял ее и проводил весь день в лагере, после вечерней молитвы возвращался в прибранную комнату, где его ждала горячая и вкусная еда. Как ему нравилось сидеть с ней за столом и ужинать вместе! Он рассказывал ей о событиях дня, она передавала ему свои разговоры с сестрами и вкратце говорила о том, что прочитала в газетах (у него не было времени их читать). Они дружно смеялись над забавным малышом Абдурахманом, проделки которого заканчивались только тогда, когда его, всегда неожиданно, морил сон... Тогда Радва относил его в постельку, устроенную ему на полу в комнате. Затем она возвращалась, чтобы убрать остатки еды и тщательно вымыть посуду, потом говорила, что пойдет в ванную, и Таха первым ложился на их старую железную кровать и ждал ее, лежа на спине и запрокинув голову. Его сердце томилось тем напряженным и сладостным желанием, которое он познал - оно ему понравилось, и теперь каждый вечер он ждал его пробуждения. Он страстно желал ее красивого и возбуждающего после горячего душа тела, прикрытого лишь одним полотенцем после выхода из ванной. Возбуждающими и волнительными были моменты молчания и страсти. Вот она повернулась к нему спиной и стала прихорашиваться перед зеркалом. Вот она тихо, чуть дыша, рассеянно произносит бессмысленные фразы. Они как будто о чем-то разговаривают, скрывая за словами свою страсть. Он улавливает ее знак и немедленно заключает ее стройное упругое тело в свои объятия, щекочет его своими поцелуями, покрывает горячим дыханием, пока оно не переполнится наслаждением, и тогда он выпускает в нее все свои чувства: печали и воспоминания, несбывшиеся мечты и не дающую покоя жажду мести, свою ненависть к мучившим его и даже

те смутные, лихорадочные сексуальные желания, которые охватывали его и будоражили в комнате на крыше. Он изливал их в тело Радвы, а освободившись от них, расслаблялся. Огонь затухал, на его место приходила спокойная, уверенная любовь, которая крепла с каждой ночью. После любовных игр он смотрел на нее с искренней благодарностью, осыпал ее руки, лицо и волосы поцелуями. Он узнал каждый изгиб, каждую черточку ее тела и научился с ними разговаривать, чтобы их любовь продолжалась часами, чтобы лицо Радвы просияло от наслаждения много раз подряд. Прошло уже несколько месяцев с начала их новой жизни, в которой он обрел счастье... Но однажды ночью он вдруг не смог ничего сделать. Он засмутился и отступил... Оба замолчали. Вдруг Таха подскочил так резко, что кровать под ними затряслась. Бросился включать свет, она подобрала одежду, чтобы прикрыть свою наготу, и с тревогой спросила:

- В чем дело?!

Он промолчал, медленно присел на кровать. Затем так же медленно склонился и обхватил голову руками. Его лицо исказилось, как от боли. Она прильнула к нему, испугавшись еще больше:

- Что с тобой, Таха?! - Проникнувшись ее искренней тревогой, он разволновался и застонал. Затем сказал, стараясь не смотреть ей в глаза:

- Прошу тебя, Радва, пойми меня правильно... Я действительно счастлив с тобой в браке и благодарю Господа за то, что он послал мне такую правильную жену, как ты... Но я пришел в лагерь не для того, чтобы жениться... Шейх Шакир привел меня с определенной целью... Джихад во имя Аллаха... Я здесь уже целый год, прошел весь курс обучения, но даже теперь мне ничего не поручают... Я боюсь, моя психика не выдержит...

Он говорил тихо и печально, потом ударил себя по ноге и прокричал с обидой:

- Если бы дело было в браке, я бы женился на тебе в любом другом месте... Сотню раз на дню я задаю себе вопрос: зачем я здесь?.. Зачем, Радва?! Я уверен, что шейх

Биляль женил меня на тебе, чтобы не дать вести джихад...

Радва улыбнулась, как мудрая, все понимающая мать, обняла его за плечи и сказала нежно:

- Проси помощи у Бога и прогони эти мысли из своей головы, потому что их шепчет тебе шайтан... Шейх Биляль - честный человек, он никогда не обманывает. Если бы он увидел, что ты недостойн вести джихад, он бы выгнал тебя из лагеря... Он не женил тебя на развратнице, которая отняла бы у тебя веру (голос ее в этот момент звучал с упреком)... Я твоя жена, Таха, я первая умоляю тебя идти на священную войну, я первая буду тобой гордиться, если ты погибнешь как мученик. И прошу Бога, чтобы он дал мне такую же долю... Но помня прошлый опыт и покойного Хасана, погибшего мученической смертью, я знаю, что военные операции - это не прогулка и не игра, их успех зависит от множества мелочей, известных только братьям из совета шуры общины.

Таха открыл было рот, чтобы возразить, но она опередила его и прикрыла ему рот ладонью, не давая ничего сказать. Она прошептала:

- Терпи, Таха. Терпи. Аллах любит терпеливых.

* * *

Во имя Аллаха, Милостивого, Милосердного!

Пусть сражаются на пути Аллаха те, которые покупают (или продают) мирскую жизнь за Последнюю жизнь. Того, кто будет сражаться на пути Аллаха и будет убит или одержит победу, мы одарим великой наградой.

Отчего вам не сражаться на пути Аллаха и ради слабых мужчин, женщин и детей, которые говорят: «Господь наш! Выведи нас из этого города, жители которого являются беззаконниками. Назначь нам от Себя покровителя и назначь нам от Себя помощника?»

Приятным мелодичным голосом, тронувшим братьев, молящихся за его спиной, шейх Биляль прочитал отрывок из суры «Женщины». Их охватил страх, и они благоговейно повторили за ним молитву «Аль-кунут». Утренняя мо-

литва завершилась, и шейх Биляль сел, перебирая четки. Один за другим к нему подходили братья, с любовью и уважением пожимали ему руку. А когда перед ним склонился Таха аль-Шазли, шейх мягко притянул его к себе и шепнул: «Жди меня в кабинете... Я скоро приду, если позволит Всевышний...»

Таха направился в кабинет, а сам спрашивал себя: зачем шейх вызвал его?.. Уж не передала ли Радва шейху его слова?.. Она всегда заявляла, что любит шейха Биляля, как отца, но любит ли она его до такой степени, чтобы передавать ему слова мужа?! Если она так поступила, ей это даром не пройдет. Никогда он не простит ее, потому что жена должна верно хранить секреты своего мужа. Но если шейх спросит его о том, что он сказал Радве, он не соврет. Повторит ему свои слова, и будь, что будет... Что ему сделает шейх?.. Самое страшное - прогонит из лагеря. И пусть. Какой смысл оставаться в лагере, есть, пить, спать и ничего не предпринимать?! Если шейх не разрешит ему вести джихад, пусть лучше отпустит его из лагеря, и он вернется туда, откуда пришел... Так думал Таха, пока не повернул ручку двери в кабинет, зашел и увидел ждущих его двух братьев: брата доктора Махгуба, ветеринарного врача, которому было за сорок, из поколения тех первопроходцев, что в семидесятые годы основали исламскую общину, и брата Абдель Шафи из Файюма, студента юридического факультета Каирского университета. Его не раз арестовывали, спецслужбы преследовали его, он бросил учебу и теперь жил в лагере. Таха вежливо пожал им руки, и они втроем сели вести вроде бы обычный разговор, но внутри каждый испытывал беспокойство и тревогу. Пришел шейх Биляль, поздоровался со всеми за руку и крепко всех обнял. Шейх сказал, разглядывая их с улыбкой:

- О, молодые ревнители ислама! Сегодня ваш день... Совет шуры общины избрал вас для важной операции...

Несколько секунд стояла тишина, потом с криками «Аллах велик!» и поздравлениями ликующие братья бросились обнимать друг дру-

га. Больше всех радовался Таха, кричавший «Хвала Аллаху!.. Аллах велик!» Шейх расплылся в улыбке и сказал:

- Так захотел Аллах... Аллах благословил вас и укрепил в вере. Враги ислама трепещут от страха перед вами, потому что вы любите смерть так же, как они жизнь...

Его лицо приняло серьезное выражение, он сел за стол, развернул перед собой большой лист бумаги и, пока искал в кармане галабеи ручку, произнес:

- У нас нет времени... Операция должна пройти сегодня в час пополудни. Или придется отложить ее по меньшей мере на месяц. Садитесь, сыны мои, сосредоточьтесь и слушайте меня как можно внимательнее...

* * *

Через два часа небольшой грузовик, доверху нагруженный газовыми баллонами, уже ехал по дороге в район Файсал в аль-Харам. На месте водителя сидел доктор Махгуб, рядом с ним Таха аль-Шазли. Абдель Шафи ехал стоя в кузове среди нагромождения баллонов. Они сбрили бороды и надели спецовки газовщиков. План предписывал не менее чем за час до начала операции установить наблюдение за местом и спокойно стоять на улице, пока из своего дома не выйдет офицер службы безопасности. За то время, пока он будет идти от подъезда к машине, они должны задержать его любым способом и открыть по нему огонь из трех автоматов, спрятанных под водительским сиденьем. Им были даны дополнительные строгие указания: если офицер успеет сесть в машину, они должны будут блокировать ее, разом взорвать все ручные гранаты, бросить грузовик и разбежаться в разные стороны, стреляя в воздух, чтобы никто их не преследовал. Если возникнет подозрение, что за ними следят, доктор Махгуб (который будет их командиром) имеет полномочия немедленно прекратить операцию. Тогда они должны бросить грузовик на любой маленькой улочке и, разделившись, вернуться в лагерь на общественном транспорте...

Как только грузовик въехал в

район Файсал, они сбавили скорость, и брат Абдель Шафи стал греметь по баллонам ключами, оповещая жителей об их приезде. Женщины выходили на балкон или высовывались из окна, чтобы позвать их. Машина останавливалась несколько раз, Абдель Шафи таскал баллоны жителям и, получив с них деньги, налегке возвращался в машину. Так велел им вести себя шейх Биляль для маскировки. Вскоре грузовичок доехал до улицы Акиф, на которой жил офицер. Какая-то женщина крикнула с балкона, что ей нужен газ, и Абдель Шафи поднялся к ней, а Махгуб и Таха получили возможность не спеша осмотреться на месте. Машина офицера - голубой мерседес выпуска конца семидесятых - стояла у входа в здание. Махгуб внимательно измерил взглядом расстояние, изучил соседние лавки, входы и выходы. А когда Абдель Шафи вернулся, грузовик уехал подальше от этой улицы. Доктор Махгуб взглянул на часы и сказал:

- У нас еще целый час... Как насчет стакана чая?!

Он говорил бодро, стараясь вселить в них уверенность. Грузовик остановился у маленького кафе на соседней улице, и троица присела там, чтобы выпить чая с мятой. Выглядели они совершенно буднично, не вызывая ничьих подозрений. Махгуб громко отхлебнул чай из стакана и сказал:

- Слава Богу... Все в порядке.

Таха и Абдель Шафи чуть слышно повторили:

- Слава Богу!

- А знаете, братья из шуры общины выслеживали объект целый год...

- Целый год? - переспросил Таха.

- Клянусь Аллахом, целый год... Разведать что-либо трудно, потому что высокопоставленные офицеры из службы безопасности тщательно скрываются: они живут в нескольких местах, под разными фамилиями, иногда переезжают вместе с семьями с одной съемной квартиры на другую. Поэтому познакомиться с ним практически невозможно...

- А как зовут этого офицера, брат Махгуб?

- Вы не должны знать его имени.

- Я понимаю, что нельзя, но мне очень хочется знать.

- Это что-то изменит?

Таха помолчал, потом посмотрел Махгубу прямо в лицо и сказал, волнуясь:

- ...Брат Махгуб, мы начали настаивать на джихаде, и, может быть, Аллах благословит нас на героическую смерть, и души наши улетят к Создателю... И ты не веришь мне, когда мы стоим на краю гибели?..

Слова Тахи произвели впечатление на Махгуба, ему понравился этот парень, и он тихо сказал:

- Салех Рашуан.

- Полковник Салех Рашуан?!

- Злодей, безбожник, у него руки по локоть в крови... Он испытывал удовольствие, командуя пытками исламистов. Он несет личную ответственность за многих погибших в тюрьме братьев. Из своего именного оружия он убил двоих лучших молодых ребят - брата Хасана аль-Ширбаси, эмира Файюма, и брата доктора Мухаммеда Рафии, пресс-секретаря общины. В тюрьме аль-Акраб он хвастался перед арестованными братьями, что убил этих двоих... Да смилуется Аллах над всеми нашими невинными шахидами, да попадут они в рай, да встретимся с ними после смерти, если позволит Аллах.

Без пяти час грузовик газовщиков остановился напротив входа в здание. Абдель Шафи вылез из кузова и подошел к кабине водителя. Он вытащил из кармана блокнот и сделал вид, что сверяет счета с шофером Махгубом. Они начали громко спорить о количестве проданных баллонов. Выглядело естественно. Таха в полной готовности держался за ручку двери. Вход в здание хорошо просматривался,

он почувствовал, как сильно бьется его сердце, вот-вот разорвется. Он сделал усилие сосредоточиться на чем-то одном, но шумный поток образов ворвался в его сознание. За минуту он увидел всю свою жизнь - кадр за кадром: вот его комната на крыше дома Якобяна, вот детские воспоминания, милые мать и отец, вот его бывшая возлюбленная Бусейна ас-Сайед и жена Радва, вот господин полковник, директор полицейской школы стыдит его за профессию отца, солдаты в тюрьме бьют и насилуют его. Он горел желанием узнать, этот ли офицер руководил в тюрьме его пытками, но не рассказал об этом Махгубу, чтобы тот не беспокоился за него и не отстранил от операции. Таха продолжал следить за входом в здание. Воспоминания все быстрее мелькали перед глазами. Наконец появился офицер, которого ему описали, толстый и белокожий, со следами сна на лице и принятой горячей ванны. Офицер шел спокойным и ровным шагом, во рту торчала сигарета... Таха поспешил открыть дверь и выйти из машины, направляясь навстречу. Он должен был задержать офицера любым способом, братья откроют по нему огонь, а Таха с разбегу запрыгнет в грузовик и бросит ручную гранату, чтобы успеть скрыться. Таха подошел к офицеру и спросил его, стараясь, чтобы голос звучал как можно естественнее:

- Извините, уважаемый... Десятый дом по улице Акиф в какой стороне?

Не останавливаясь, офицер махнул рукой и невнятно пробурчал, подходя к своей машине:

- В ту сторону...

Это был он... Тот, кто командовал его истязанием, кто приказывал офицерам избивать его, разо-

дирать кожу плеткой и вогнать палку в его тело. Это он, нет ни малейшего сомнения. Тот же сиплый голос, тот же безразличный тон и легкая одышка от курения... Таха не смог сдержать эмоций, побежал в его сторону и издал резкий и неясный звук, похожий на грозное рычание. Офицер повернулся к нему, испуг промелькнул в его взгляде, лицо перекошилось от ужаса, как будто он вдруг понял, что происходит. Он открыл рот, чтобы что-то произнести, но не смог, автоматы уже прошли его тело. Он упал на землю, и из ран фонтаном хлынула кровь. Таха, вопреки плану, замер на месте, чтобы своими глазами увидеть, как умрет офицер, и прокричать: «Аллах велик! Аллах велик!» Бегом Таха кинулся к машине, но тут произошло неожиданное. Сначала он услышал звон бьющегося вдребезги стекла, потом увидел двух мужчин, стрелявших по машине. Таха все понял и попытался уйти, как его учили на тренировках, вжав голову в плечи и петляя, чтобы не попасть под обстрел. Он был уже близко от грузовика, и пули сыпались на него, как дождь. Осталось каких-то два метра, когда он ощутил холод в плече и груди. Он удивился этому пронизывающему, как лед, холоду и посмотрел на свое тело: по нему текла кровь. Холод перешел в острую, разрывающую боль, и Таха упал на землю у заднего колеса, крича от боли. Но ему тут же почудилось, что невыносимая боль медленно проходит. Неведомая, абсолютная безмятежность опускалась, укутывая и ведя его за собой. До слуха донеслись далекие многомерные звуки: звон, песни, мелодичное жужжание. Они повторялись, приближаясь, словно встречали его в новом мире...

Учреждение Российской академии наук Институт Африки РАН

Объявляет конкурс на замещение вакантной должности заведующего Центром исследований Юга Африки.

Документы, согласно Положению о конкурсах, направлять на имя директора Учреждения Российской академии наук Института Африки РАН по адресу: 123001, Москва, ул. Спиридоновка, 30/1, отдел кадров. Телефон: (495) 695-51-59.

Срок подачи заявления - месяц со дня публикации.